

На правах рукописи

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'С. Наумов', is enclosed in a light gray rectangular box.

Наумов Сергей Сергеевич

**ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОСТРАНСТВЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(1985–2000 ГГ.)**

5.6.1 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Омск – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» на кафедре отечественной истории, социологии и политологии

Научный руководитель: **Рыженко Валентина Георгиевна**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Сибиряков Игорь Вячеславович**
доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», кафедра отечественной и зарубежной истории, профессор
Гефнер Ольга Викторовна
кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина», кафедра философии, истории, экономической теории и права, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», кафедра отечественной истории

Защита диссертации состоится 1 июня 2023 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 99.2.051.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел); <https://omgpu.ru/dissertations/11464>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

И.И. Кротт

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В последние 25–30 лет учёными-историками созданы фундаментальные работы по истории интеллигенции, но при этом сюжеты, связанные с влиянием провинциальных гуманитарных сообществ на формирование коллективных представлений о прошлом, до сих пор не стали темой специальных исследований. Историками зафиксировано произошедшее в конце 1980-х гг. обособление интеллигентоведения и изучения культуры российской провинции в качестве отдельных направлений исследований. В наши дни, когда поколение людей, воспринимающих события конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. как «исторические», достигло трудоспособного возраста, считаем необходимым анализ влияния интеллигенции эпохи перестройки на формирование коллективной памяти с использованием инструментария исторической науки. Другим важным фактором, обусловившим интерес к указанной проблематике, является специфика современной историографической ситуации, для которой характерно прочное утверждение в качестве самостоятельного исследовательского направления изучения исторической памяти¹. Однако сибирские сюжеты второй половины XX в., связанные с исследованиями памяти («memory studies»), только обозначили свою нишу в общем проблемном поле. Важно заметить, что период второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. отечественной истории вызывает дискуссии и в научной корпорации, и в обществе в целом. Дискуссионным остаётся вопрос об оценке вклада интеллигенции в формирование гражданского общества в России. Сочетание этих факторов дополнительно актуализирует проблему осмысления влияния сообществ гуманитарной интеллигенции на формирование исторической памяти.

Степень изученности темы. Историографический обзор выстроен по проблемно-хронологическому принципу.

В *первый проблемный блок* входят труды, посвящённые социокультурной истории интеллигенции. Попытки раскрыть и исследовать процессы формирования и развития советской интеллигенции предпринимались ещё в 1970-е гг. М.Н. Руткевич особое внимание уделял росту профессиональных отрядов интеллигенции, процессам их воспроизводства и пополнения через высшую школу². Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. интерес учёных к проблематике истории интеллигенции усилился. Познавательные повороты 1990-х гг. и внимание к «белым пятнам» истории России XX в. выявили очевидные признаки кризиса советской модели изучения интеллигенции и потребовали перенастройки оптики исследований. Эти обстоятельства способствовали возникновению в российской гуманитарной науке в 1990-е гг. новой исследовательской дисциплины – интеллигентоведения. Инициаторами утверждения самостоятельного статуса интеллигентоведения стали созданные в 1994 и 2001 гг. научно-исследовательские центры изучения интеллигенции в Екатеринбурге и Иваново.

¹ Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 3. – С. 191.

² Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977. – С. 48–53.

Формирование и развитие исследовательских практик изучения интеллигенции в Западной Сибири связано в первую очередь с деятельностью сектора истории социально-культурного развития Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Е.Г. Водичев и С.А. Красильников скорректировали значительную часть прежних теоретико-методологических подходов. Передовым для начала 1990-х гг. стал вариант типологии интеллигенции, предложенный С.А. Красильниковым на основе социально-политического критерия: лидерная, базисная и маргинальная³. Историография советской интеллигенции была проанализирована В.Л. Соскиным в середине 1990-х гг.⁴

Развитию близких к теме исследовательских направлений (историографические аспекты формирования научных школ, вопросы теории и практики городоведения, проблемы самоидентификации интеллигенции, взаимодействие интеллигенции и власти) в 2000–2010-е гг. способствовала деятельность научных коллективов упомянутого сектора Института истории СО РАН, Омского государственного университета, Сибирского филиала Российского института культурологии. В различной степени обозначенная проблематика представлена в трудах В.Л. Соскина, Н.А. Куперштох, Л.Б. Ус, Л.С. Пащенко, Л.И. Пыстиной, С.Н. Ушаковой, В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимовой, Д.А. Алисова, Ж.Е. Левиной, С.Г. Сизова.

Существенным шагом в изучении местных научных сообществ стали работы В.П. Корзун и её учеников⁵. Научные сообщества рассматривались на стыке историографии, науковедения и культурологии. Интересующие нас вопросы нашли отражение в работах биографического характера с выраженным «поколенческим» акцентом, подчёркивающим преемственность между сибирскими учёными. К трудам такого плана следует отнести публикации М.А. Мамонтовой, Н.В. Кефнер, К.Б. Умбрашко, С.П. Бычкова, М.В. Шиловского, И.П. Каменецкого, Е.В. Комлевой, Е.Н. Туманик.

Ко *второму проблемному блоку* относятся работы по проблемам конструирования, трансформации и трансляции исторической памяти.

Содержание отечественной «историографии памяти» впервые охарактеризовано О.Б. Леонтьевой в середине 2010-х гг.⁶ Однако в рассмотренных

³ Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории Советской Сибири / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 1990. – С. 172–176.

⁴ Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 80 с.

⁵ Груздинская В.С. Научные общества историков г. Омска: коммуникативные площадки (конец 1980 – конец 2010-х гг.) // Омские научные чтения: материалы Второй Всерос. науч. конф. (Омск, 10–15 декабря 2018 г.) / отв. ред. Т.Ф. Яцук. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. – С. 496–498; Корзун В.П., Носова М.С. Омское научное сообщество историков в оптике проблематики исследования (вторая половина 1990-х – первые десятилетия XXI в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 1. – С. 29–36; Груздинская В.С., Корзун В.П. Омские историки на рубеже XX – XXI веков: штрихи к коллективному портрету // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – Вып. 2. – С. 142–154.

⁶ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59–96.

ею работах пространственный ракурс заметен слабо. Малозаметны сибирские региональные и локальные срезы и в фундаментальном труде А.В. Святославского⁷, одним из первых представившего результаты комплексного анализа российской мемориальной культуры постсоветского периода. Проблематика исторической памяти сибиряков непосредственно обозначилась в историографии только в начале 2010-х гг. Первым исследователем, предпринявшим попытку охарактеризовать всю Сибирь как пространство памяти, стал философ М.Я. Рожанский. В своей монографии он оперирует философско-антропологическими понятиями, такими как «социальная энергия», «идентичность», «миф», «память» (и в противопоставление ей – «амнезия»), замечая, что сами по себе эти понятия гораздо ближе к метафорам, нежели к научным терминам, но зато способны запечатлеть то, что не всегда фиксируется научным языком – отношения человека с историей⁸.

Среди историков, обратившихся к проблемам конструирования и трансляции коллективной памяти на основе сибирского материала, заслуживает внимание опыт Е.И. Красильниковой, исследующей память через коммеморации и тенденции развития политики памяти. Так же, как и М.Я. Рожанского, её интересуют проблемы влияния идеологии на коллективную память и социальную память малых групп. На основе региональных материалов Е.И. Красильникова делает вывод, значимый в контексте нашего исследования: никакая идеология не способна полностью слиться с памятью, политика памяти не может достичь «эффекта абсолютной манипуляции сознанием индивида»⁹.

Работу с терминологическим аппаратом «memory studies» последовательно и успешно осуществляет в своих исследованиях М.К. Чуркин, применяя понятия «память», «травма», «образ», «политика памяти» к историческим сюжетам второй половины XIX – первой половины XX вв. В контексте интересующего нас периода значим его вывод о том, что для общественно-политического и историографического дискурса конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерна актуализация ряда травматических сюжетов отечественной истории, претендующих на роль реперных точек коллективной памяти нации¹⁰.

Для историографической ситуации конца 2010-х – начала 2020-х гг. характерно не только усиление интереса к изучению исторической памяти сибиряков (работы А.А. Штырбула, Н.В. Елизаровой, П.П. Вибе, В.Г. Кокоулина), но и выраженное стремление «к теоретическим, историографическим и источниковедческим обобщениям»¹¹.

⁷ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: «Древлехранилище», 2013. – 592 с.

⁸ Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – С. 113.

⁹ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – С. 19.

¹⁰ Чуркин М.К. Музеи и библиотеки как инструменты репрезентации исторической политики в современной России // Вторые Дравертские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. посвящ. 140-летию со дня рождения П.Л. Драверта (г. Омск, 19–20 ноября 2019 г.) / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А.С. Пушкина. – Омск, 2020. – С. 38.

¹¹ Рыженко В.Г. Новые фигуры и места памяти – показатель трансформаций культурного пространства сибирских городов в постсоветской России // Сибирский город в фокусе

Третий проблемный блок включает в себя работы, посвящённые истории коммемораций в Западной Сибири в 1985–2000 гг.

В своей монографии «Помнить нельзя забыть...» Е.И. Красильникова выделяет две основные формы коммемораций: памятные места и коммеморативные практики. К первым она относит городской исторический некрополь, скульптурные памятники и монументы в честь исторических деятелей и событий, а также экспозиционно-выставочное пространство краеведческих музеев. Под коммеморативными практиками исследователь подразумевает похоронно-поминальные практики, торжества, посвящённые годовщинам и юбилеям исторических событий, деятельность музеев, связанную с увековечением памяти.

Среди работ с анализом тенденций развития памятных мест крупных городов Западной Сибири в 1985–2000 гг. внимания заслуживают публикации Т.М. Назарцевой, П.П. Вибе, Е.В. Мельниковой, М.Г. Агапова, О.В. Гефнер. Статьи, посвящённые западносибирским коммеморативным практикам второй половины XX в., носят, как правило, обзорный характер. Главной их характеристикой является описательность. Среди наиболее информативных текстов, освещающих данную проблематику, следует выделить публикации А.М. Лосунова, О.В. Блиновой, О.В. Котовщиковой, Л.А. Кузменкиной.

Для периода второй половины 2010-х гг. характерно желание западносибирских исследователей коммемораций уйти от фрагментарности, присущей отдельным «локальным» публикациям, и реализовать ряд масштабных теоретических и практических опытов. Значительный интерес представляют результаты работы научных коллективов под руководством В.Г. Рыженко и Е.И. Красильниковой, занимавшихся исследованиями локальных культурных пространств в 2018–2020 гг., коллективный труд сотрудников Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва¹².

Четвёртый проблемный блок – исследования деятельности культурно-просветительных общественных организаций Западной Сибири во второй половине 1980-х – 1990-е гг.

В 1997 г. была защищена диссертация Е.В. Черненко «Становление общественно-политических организаций и движений в Западной Сибири (1987 – август 1991 гг.)». Различные аспекты общественно-политической жизни Сибири новейшего периода были рассмотрены в 2000-е гг. в исследованиях В.И. Буланкина, Д.Т. Пучкина, С.А. Величко, М.И. Машкарина, В.И. Магды, В.И. Козодоя. Особая заслуга в раскрытии западносибирского материала принадлежит С.В. Новикову, выступившему в качестве автора ряда справочных изданий и обобщающей монографии¹³. Однако непосредственно культурно-просветительные сообщества не стали предметом данных исследований. Единичные упоминания и привлечение

гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф., с международ. участием, г. Новокузнецк, 25–26 октября 2018 г. – Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-эксперсс», 2018. – С. 8.

¹² Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. – М.: Институт Наследия, 2019. – 98 с.

¹³ Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: Проблемы взаимовлияния, 1988–1996 гг. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. – 408 с.

отдельных фактов нельзя рассматривать в качестве варианта комплексного анализа культурно-просветительной деятельности.

Массив литературы об особенностях и деятельности рассматриваемых культурно-просветительных организаций (Русское географическое общество, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Советский (Российский) фонд культуры, общество «Мемориал») в 1985–2000 гг. представлен преимущественно публикациями справочно-энциклопедического, публицистического и мемуарного характера. Отдельные сюжеты из истории Русского географического общества, хронологически совпадающие с рамками нашего исследования, представлены в публикациях И.А. Вяткина, Ф.И. Новикова, А.А. Соловьёва, С.Д. Авербух, Б.Ю. Кассала, Б.А. Коникова, Ю.А. Белоножко, Т.К. Анфиногеновой.

В новейшей сибирской литературе проделана работа по накоплению фактографического материала по истории ВООПИиК и СФК (РФК). Попытки систематизации, обобщения и анализа имеющегося материала были предприняты Ю.Р. Гореловой, Н.А. Томиловым, О.А. Громовой, Т.Н. Тарновской, Д.Д. Гаркушей, С.В. Филоновым.

Расширению исследовательской проблематики также способствовал ряд публикаций, раскрывающих деятельность региональных отделений Российского историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Зачастую летописцами движения по сохранению памяти о жертвах репрессий выступали наиболее активные члены организации. Омский и новосибирский материал нашёл отражение в публикациях Т.Г. Зубаревой, С.С. Кучуковой, Э.П. Оттена, Т.П. Мордкович, В.В. Шадринной.

На сегодняшний день в большей степени изучены общественно-политические и идеологические контексты, история формирования политических движений и национально-культурных объединений Западной Сибири, создан ряд работ, затрагивающих теоретико-методологические проблемы изучения исторической памяти. В последние годы пристальное внимание историков обращено к местным научным и вузовским сообществам гуманитарной интеллигенции. Также учёными совместно с краеведами и музейными работниками активизировалось изучение коммемораций 1985–1990-х гг. В диссертации предлагается использовать существующие наработки для соединения социокультурной истории интеллигенции с проблемой конструирования исторической памяти.

Объект исследования: коммуникативное пространство местных сообществ крупных городов Западной Сибири.

Предмет исследования: деятельность гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по формированию и трансляции исторической памяти.

Цель исследования: раскрыть содержание деятельности гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по конструированию, сохранению и трансляции исторической памяти в региональном аспекте.

Реализация данной цели подразумевает решение следующих **задач:**

1. Выявить и охарактеризовать этапы деятельности гуманитарной интеллигенции по сохранению и трансляции исторической памяти в 1985–2000 гг.

2. Установить институциональные опоры и площадки коммуникации и практической деятельности интеллигенции по формированию исторических символов и мест памяти в региональных рамках.

3. Обозначить направления и формы деятельности местных сообществ интеллигенции по конструированию пространств исторической памяти.

4. Определить каналы репрезентации представлений об историческом прошлом гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска.

5. Раскрыть отражение представлений о прошлом в «персональной» памяти отдельных участников локальных сообществ.

6. Показать общественную реакцию на репрезентацию исторической реальности в средствах массовой информации и публичной деятельности интеллигенции в Омске и Новосибирске в 1985–2000 гг.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница определена 1985 годом, началом глобальных политических, экономических и культурных изменений в жизни страны, объединённых названием «перестройка». Важнейшее идеологическое значение этих событий заключалось в налаживании прямого диалога политического руководства с народом, развязыванием инициативы СМИ и ликвидацией зон, свободных от критики. Верхняя граница обозначена 2000 годом – сменой политического руководства страны и последующим постепенным свёртыванием масштабных демократических преобразований, переориентацией политического курса на «укрепление государственности».

Территориальные рамки ограничиваются двумя важнейшими политико-административными центрами Западно-Сибирского региона – Омском и Новосибирском. Эти города в разное время носили полуофициальный статус «сибирской столицы», являясь крупнейшими центрами политической, экономической и культурной жизни Западной Сибири. При определении территориальных рамок исследования мы руководствовались терминологическим аппаратом современной урбанистики, утверждающей, что степень развитости функциональной структуры города находится в прямом соответствии с его величиной, выражающейся, в том числе, с помощью показателя численности населения. Согласно типологии, предложенной Г.М. Лаппо, Омск и Новосибирск относятся к одному типу полифункциональных центров-мегаполисов (городов-миллионеров): в рассматриваемый нами период из всех сибирских городов только эти два города имели численность населения более 1 млн человек.

Теоретико-методологическая основа исследования. Характером поставленных задач обусловлено применение комплексных приёмов исследования.

Дефиниция «интеллигенция» используется в контексте комплексного междисциплинарного подхода интеллигентоведения, согласно которому интеллигенция может определяться «как по социально-профессиональным чертам и свойствам, так и по духовно-интеллектуальным»¹⁴. Под гуманитарной интеллигенцией в данном исследовании понимается социальная группа, выполняющая функции воспроизводства человеческого капитала, ретрансляции

¹⁴ Олейник О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (теоретико-методологический и историографический аспекты). – Иваново, 1997. – С. 53.

культурных идей общенационального уровня, критики и отбора ценностей построения гражданского общества¹⁵. К гуманитарной интеллигенции мы относим историков, философов, филологов, журналистов, преподавателей высшей и средней школ, архивных, библиотечных и музейных работников. В отдельную, но важную группу гуманитарной интеллигенции мы выделяем краеведов, имеющих как гуманитарное, так и юридическое, техническое, медицинское образование.

Другой важнейшей методологической опорой диссертации являются принципы, сформулированные в рамках «memory studies» (работы М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, Э. Хобсбаума, Й. Рюзена, П. Нора, С. Бойм, А. Эткинда, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Н.Е. Копосова, М.Ф. Румянцевой, О.Б. Леонтьевой, Е.С. Сеньявской, Н.В. Эппле).

Большой вклад в развитие «memory studies», а конкретно в концепцию изучения коллективной (социальной) памяти, внёс Я. Ассман, рассматривающий её в двух проекциях: культурной и коммуникативной¹⁶. Культурная память опирается на «обосновывающие» воспоминания, относящиеся к далёкому прошлому. Коммуникативная память – память, связанная с персональными воспоминаниями, захватывающими промежутки в 70–80 лет. Таким образом, историческая память возникает в результате тесного и непрерывного взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти; транслируемые через историческую политику (либо историческое просвещение) образы и символы вступают в реакцию с «живыми» воспоминаниями и образуют то, что современные исследователи называют репрезентациями исторического прошлого.

В условиях урбанизированной среды историческая память выражается через «матрицу» внешнего образа города (вариант В.Г. Рыженко), коммеморации (вариант Е.И. Красильниковой). В диссертации используется синтетический вариант, объединяющий существующие на данный момент исследовательские наработки западносибирских учёных. На наш взгляд, *выражение исторической памяти осуществляется через создание мест памяти*. Под местами памяти, согласно традиционной трактовке, сформулированной П. Нора¹⁷, понимается *единство духовного и материального порядка, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследий национальной памяти общности*.

Фактором расширения исследовательского поля обусловлено обращение к корреляции деятельности интеллигенции и трансформации исторической памяти. Разработка этой проблемы успешно ведётся специалистами в области интеллектуальной истории. Современная интеллектуальная история описывает различные процессы «движения идей». Этот подход позволяет исследовать культурно-просветительные инициативы в контексте истории идей, рассматривая их в качестве оформленного результата движения интеллектуальной коммуникации.

Объединения интеллигенции рассматриваются нами как местные

¹⁵ Шиняева О.В. Профессиональный состав и статус гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 1. – С. 110.

¹⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 63.

¹⁷ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.

интеллектуальные сообщества, поэтому используется *локальный метод*. Именно он даёт возможность реконструировать историческую реальность, обратившись к деятельности сообществ интеллигенции. Исследуя просветительскую деятельность гуманитарной интеллигенции, мы отмечаем, что совокупность идей (размышлений о прошлом и его интерпретаций) и различных вариантов публичных исторических репрезентаций составляет целостную картину формирования пространства памяти крупных городов и оказывает значительное влияние на изменение их социокультурного облика.

Наряду с общенаучными (анализом, синтезом, индукцией, дедукцией) использовались методы историографического и источниковедческого анализа и специальные методы исторического исследования. *Историко-сравнительный* метод направлен на выявление схожих и уникальных черт в деятельности местных сообществ Омска и Новосибирска. Анализ репрезентаций прошлого в рамках исторической рефлексии гуманитарной интеллигенции потребовал обращения к *историко-ретроспективному* методу. *Историко-генетический* метод используется при исследовании процессов объединения местных сообществ интеллигенции, а также при обращении к источникам личного происхождения. Предлагающие «новые подходы в исследовании прошлого»¹⁸ методики *устной истории*, куда входит интервьюирование и анкетирование, были использованы при обработке данных, полученных в ходе личных бесед с участниками событий.

Источниковая база исследования.

В работе используются следующие группы источников.

Нормативно-правовые акты и документы законодательной и исполнительной власти регионов. Сюда относятся постановления, решения, протоколы заседаний Омского и Новосибирского городских Советов народных депутатов, Администраций Омска и Новосибирска, комитетов по культуре и искусству областных и городских администраций. Данная группа источников даёт представление о реалиях культурной жизни в сибирских мегаполисах в годы перестройки и постперестроечный период.

Делопроизводственные документы общественных организаций составляют важнейшую опору конкретно-исторической апробации результатов нашего исследования и являются самым обширным пластом источников. Сюда мы относим документацию омских и новосибирских отделений Русского географического общества, ВООПИиК, СФК (РФК), общества «Мемориал». Задействованы материалы делопроизводства (протоколы заседаний, отчётно-планирующие документы, доклады, записки, справки, рекомендации, деловая переписка). Основная часть документов обнаружена в Историческом архиве Омской области (Ф.Р-1075; Ф.П-9587; Ф.П-654; Ф.П-9704), Государственном архиве Новосибирской области (Ф.Р-2054; Ф.Р-2099; Ф.Р-600) и Новосибирском городском архиве. Сведения, выявленные при работе с данными материалами, позволяют нам охарактеризовать деятельность гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в рамках общественных организаций культурно-просветительской направленности, выявить общие и специфические черты этой деятельности,

¹⁸ Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 19.

рассмотреть важнейшие инициативы по формированию и конструированию исторической памяти.

К источникам личного происхождения относятся опубликованные воспоминания государственных деятелей (глав местных администраций и органов местного самоуправления), мемуары и книги очерков сибирских историков, писателей, журналистов. Сведения, содержащиеся в этих источниках, дают общее представление об общественно-политической, экономической и культурной жизни крупных городов Западной Сибири во второй половине 1980-х – 1990-е гг.

К этому же блоку источников следует отнести материалы личных архивов видных представителей сибирской гуманитарной интеллигенции, принимавших активное участие в научной и культурной жизни регионов. Это личные фонды историка и писателя М.Е. Бударина (ГИАОО. Ф.П-653), писателя-краеведа И.Ф. Петрова, краеведа Ф.К. Надя, (ГИАОО. Ф.Р-2915), писателя А.В. Никулькова (ГАНУ. Ф.Р-2121) историка-краеведа И.Ф. Цыплакова (НГА. Ф.Р-777), краеведа К.П. Зайцева (НГА. Ф.Р-778).

Фронтальный просмотр центральной и местной периодической печати позволил представить картину становления, институционализации и активной деятельности культурно-просветительных сообществ интеллигенции в 1985–2000 гг. Вместе с этим, обращение к периодике выглядит необходимым и в контексте рассмотрения частных историко-культурных инициатив представителей гуманитарной интеллигенции Западной Сибири. Были просмотрены такие издания, как: журналы «Огонёк» (все номера с 1985 по 1992 г.), «Родина» (все номера с 1989 по 2000 г.), «Известия ЦК КПСС» (все номера с 1989 по 1991 г.), альманахи «Памятники Отечества» (все номера с 1984 по 2000 г.), «Наше наследие» (все номера с 1988 по 2000 г.). Местная специфика отражена в периодических изданиях Омска и Новосибирска. Нами были просмотрены все номера за период с 1984 по 2000 г. газет: «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири», «Омская правда», «Вечерний Омск», «Молодой сибиряк». Также благодаря работе с краеведческими каталогами Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина и Новосибирской государственной областной научной библиотеки были выявлены отдельные публикации по нашей теме в газетах «Ведомости Новосибирского Совета депутатов», «Сибирская газета», «Искитимская газета», «Время», «Крестьянское слово», «Омский вестник», «Московский комсомолец в Омске», «Зеркало плюс», «Новое обозрение – Версия», «Четверг», «Новое омское слово»; журналах «Сибирские огни» и «Земля сибирская, дальневосточная».

Обращение к более узкой, отраслевой и «ведомственной» периодике обусловлено необходимостью выявления наиболее актуальных, не всегда находивших отражение на страницах массовой печати вопросов конструирования исторической памяти, обсуждаемых в сообществах городской интеллигенции. Были просмотрены журналы: «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР» (с 1992 по 1994 г. – «Известия Сибирского отделения Российской академии наук»; с 1994 г. – «Гуманитарные науки в Сибири»), «Сибирская горница» (все номера с 1995 по 2000 г.), «Культура Сибири» (единственный номер вышел в 1995 г.),

«Культурологические исследования в Сибири» (номера с 1999 по 2001 г.); альманахи: «Архивный вестник», «Омская старина», «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (все номера с 1993 по 2000 г.); печатные издания культурно-просветительных общественных организаций: «Вестник культуры. Орган Омского филиала Российского фонда культуры», «Известия Омского регионального отделения Русского географического общества».

Отсутствие в архивах и библиотеках материалов за отдельные годы стало причиной возникновения исследовательских лакун. Их преодоление потребовало обращения к *устным источникам*. Привлечены записи воспоминаний историков О.Н. Катионова, С.А. Красильникова, Л.И. Пыстиной, писателя М.Н. Щукина, краеведов И.Л. Коновалова, Т.П. Мордкович.

В отдельный блок входят *визуальные источники*. Это благотворительные билеты, брошюры, буклеты, плакаты. Их привлечение позволяет расширить общеисторический контекст деятельности сообществ интеллигенции в 1980-е – 1990-е гг. и определить степень вовлечённости граждан в процесс реализации культурно-просветительных инициатив и коммемораций.

Фотоматериалы также являются источниками, различными по степени содержательности и информативности. Помимо открытых и опубликованных фотоснимков и открыток нами были использованы материалы архивов омского и новосибирского отделений ВООПИиК, РФК, общества «Мемориал», персональных архивных фондов краеведов К.П. Зайцева, Ф.К. Надя, личных архивов краеведов И.Е. Бродского, В.Н. Панасенкова, историков Л.И. Пыстиной, Н.А. Томилова, а также собственного семейного фотоархива.

В качестве других вспомогательных источников нами привлекались *картографические материалы*. Карты и атласы, выпущенные в рассматриваемый нами период, необходимы при определении структуры пространства городов и соотнесении их элементов с ситуациями прошлого и настоящего: местонахождение округов, районов, улиц и площадей, памятников архитектуры, скульптур, зданий, в которых располагались культурно-просветительные общественные организации, научные центры и другие площадки местных сообществ гуманитарной интеллигенции. Атласы и справочники сохранили информацию об исчезнувших с лица города топонимах, зафиксировали процесс наименования и переименования различных недвижимых объектов науки и культуры.

Комплексом *вещественных источников* в данном случае являются элементы архитектурно-градостроительной и скульптурно-мемориальной среды Омска и Новосибирска. К данному типу источников мы относим архитектурные сооружения, памятники, памятные знаки, мемориальные комплексы, городскую скульптуру, мемориальные доски и информационные таблички. В 2017–2019 и 2021 гг. были проведены натурные обследования изучаемых объектов в заданных территориальных рамках.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В советские годы был создан строгий «пантеон исторической памяти». В его фундамент были заложены следующие блоки: 1) память о событиях Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны (1918–1921 гг.); 2) создание

социалистического государства (1920–1930-е гг.); 3) память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; 4) историческая память, обращённая в дореволюционное прошлое, а конкретно к тем фактам и фигурам, которые служили подтверждением неизбежности победы советской формы организации общества. В 1985–1990-е гг. эта система подверглась существенной трансформации: изменилось содержание как официальной политики памяти, так и личностных, «бытовых» воспоминаний. Важнейшим элементом современной коллективной памяти россиян стал актуализированный и вынесенный в публичное поле во второй половине 1980-х гг. «травматический» опыт событий XX в. Начало процесса проработки «исторических травм» стало возможно благодаря политике перестройки и деятельности интеллигенции, выступавшей в качестве субъекта коллективной памяти.

2. Формирование локальных особенностей восприятия событий прошлого тесно связано со спецификой исторического развития регионов и деятельности местных сообществ. Своеобразие пространства памяти современного Омска обусловлено тем, что период 1985–1990-х гг. стал для него периодом «выхода из тени», временем осмысления своего уникального прошлого, примером чего является не совсем удачная попытка «переформатирования» образа города из бывшего административного центра, а затем – центра оборонной промышленности и «закрытого» города в «третью столицу» и «культурный флагман Сибири». В Новосибирске гуманитарная интеллигенция обратилась к практике подробнейшего анализа «детства города», утверждения Новосибирска в качестве подлинно исторического города, в котором, несмотря на юный возраст, есть всё то, что и в соседних центрах, – богатая культура, мыслительная и интеллектуальная традиция, глубокие исторические корни.

3. В Омске и Новосибирске деятельность гуманитарной интеллигенции по формированию исторической памяти оказалась напрямую связана с усилением в 1980–1990-е гг. работы культурно-просветительных общественных организаций и местных научно-просветительных сообществ. В обоих городах такие организации, как ВООПИиК, СФК (РФК), общество «Мемориал», а также гуманитарные факультеты вузов, областные библиотеки, исторические архивы и краеведческие музеи, стали центрами притяжения и сосредоточения интеллектуальных сил регионов. В обоих городах активизация работы по созданию пространств и символов была связана с актуализацией практики праздничных коммемораций, самыми значительными из которых стали 275-летие и 280-летие Омска (1991 и 1996 гг.) и 100-летие Новосибирска (1993 г.). Важную роль в создании образов исторического прошлого регионов сыграли печатные СМИ, занявшие лидирующие позиции в формировании коллективных исторических представлений населения городов.

4. Разработка проектов по конструированию новых мест памяти коррелирует с процессом получения гуманитарной интеллигенцией новых исторических знаний. Именно в годы перестройки актуализировался и оформился устойчивый и в наши дни интерес местных исследователей к личностям основателей и строителей Омска и Новосибирска, политическим контекстам в творчестве сибирских областников, биографиям А.В. Колчака и других деятелей «белого» движения в Сибири, истории

политических репрессий и СибЛАГа. Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. представителями гуманитарной интеллигенции был проделан значительный объём работы по исследованию малоизученных аспектов региональной истории. Трансляция исторической информации в этот период носит преимущественно повествовательный характер. Целью основной части инициатив по созданию новых мест памяти являлась необходимость «восстановления исторической справедливости».

5. Представителями гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска был выработан ряд форм и методов конструирования мест памяти с учётом общественно-политических и социокультурных изменений в стране. К таким формам и методам следует в первую очередь отнести: 1) проведение международных, общероссийских и региональных научных и научно-практических конференций; 2) публикации неперiodических изданий справочно-энциклопедического, научно-популярного и публицистического характера, посвящённых истории регионов; 3) учреждение новых периодических изданий, основной тематикой которых становится региональная история; 4) организация свободного общественного диалога на тему истории в рамках культурно-просветительных организаций и средств массовой информации; 5) проведение официальных торжественных мероприятий, связанных с юбилеями важнейших региональных исторических событий.

6. Общественная деятельность представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска 1985–1990-х гг. наложила существенный отпечаток на их профессиональную работу и повседневность. Заложённая в те годы практика дискуссии внутри местных сообществ, обозначенная проблематика памяти и сегодня продолжают оказывать влияние на изменение социокультурных ландшафтов двух крупнейших городов Западной Сибири.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в историографии истории интеллигенции выявлены институциональные опоры культурно-просветительной деятельности гуманитарной интеллигенции крупнейших городов Западной Сибири, проведено обобщение ключевых характеристик этой деятельности в 1985–2000 гг., определена динамика инициатив по формированию и насыщению пространства памяти Омска и Новосибирска в контексте политики демократизации. Помимо этого впервые реконструирована история и раскрыта специфика функционирования официальных (РГО, ВООПИиК, РФК, общество «Мемориал») и неформальных коммуникативных площадок сибирской гуманитарной интеллигенции: восстановлен персональный состав обществ, обозначены основные формы и каналы трансляции представлений об исторической реальности, проведена сравнительная характеристика общих и индивидуальных региональных вариантов исторической памяти, возникших в атмосфере либерализации общественной жизни. В диссертации впервые представлен вклад отдельных представителей интеллигенции Омска и Новосибирска, выступающих в качестве носителей и трансляторов исторических знаний и представлений о прошлом, в формирование образно-символического наполнения городских социокультурных ландшафтов. Показана и раскрыта общественная реакция на

актуализированные рецепции и репрезентации нарративов исторической памяти в сибирской публицистике и массовой печати в исследуемый период. Следует отметить, что история местных сообществ интеллигенции в значительной мере выходит за рамки отечественного интеллигентоведения: она плотно связана с практиками изучения локально-культурных пространств, регионалистикой и краеведением. Доказано, что локальные интерпретации образно-символического содержания исторической памяти («научно-художественный» сегмент мемориальной культуры, «травматические» места памяти и др.) отразились на социокультурном облике городов, оказали влияние на формирование городской идентичности, повлияли на процесс оформления новых моделей просветительской работы, адекватных ситуации столкновения представителей интеллигенции с материальными, организационными, парадигмальными и нравственно-этическими вызовами перестроечного и постперестроечного периодов. В научный оборот введены ранее неопубликованные и невостребованные исследователями источники, освещающие деятельность как региональных отделений (филиалов) культурно-просветительных обществ, так и отдельных представителей гуманитарной интеллигенции.

Теоретическая значимость работы. Полученные результаты могут стать опорой при создании научных трудов, посвящённых истории интеллигенции и корпоративных сообществ Сибири на рубеже XX–XXI в. Предложенная модель исследования может быть применена при изучении просветительского движения в других регионах, малых городах, а также при обращении к опыту не только исторических и краеведческих, но и творческих и художественных объединений. Подобное движение научной мысли вполне органично впишется в общее направление исследовательских поисков, целью которых является решение важнейшего теоретического вопроса интеллигентоведения – дискуссии о дефинициях, в которой спор идёт о понимании интеллигенции как социальной категории, с одной стороны, и духовно-нравственной – с другой.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования значительного количества впервые опубликованных источников, результатов и выводов исследования при создании фундаментальных, как научных, так и популярных трудов по истории перестройки в Западной Сибири, возникновения и деятельности культурно-просветительных обществ 1980–1990-х гг., при написании журналистских краеведческих публикаций, а также при подготовке учебных и образовательных программ и пособий по истории современной России.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы 5 статей в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, а также 7 статей и тезисов в различных сборниках материалов научно-практических конференций. Основные положения диссертации обсуждены на кафедре отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также представлены на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: «IV Ядринцевские чтения» (Омск, 2017), «Молодёжь третьего тысячелетия» (Омск, 2018), «Антропология города:

социокультурные стратегии в полиэтничном обществе» (Челябинск, 2018), «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» (Брянск, 2019), «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019), «Вторые Дравертские чтения» (Омск, 2019), «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» (Омск, 2020).

Структура исследования включает в себя введение, две главы, заключение, список источников и литературы и два приложения.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы, степень её изученности, объект и предмет исследования, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, методологическая и источниковая база работы, научная новизна, теоретическая и научно-практическая значимость диссертации, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Организационно-институциональные опоры деятельности гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по формированию локального пространства памяти» посвящена концептуализации организационных форм коммеморативной работы культурно-просветительных обществ городов в 1985–2000 гг. Обозначенный период был неоднороден по характеру и историческому содержанию происходивших процессов, но характерными для него стали появление независимых форм социальной самоорганизации, оживление гражданской инициативы и всплеск интереса к истории.

В первом параграфе *«Работа отделений Всесоюзного (Русского) географического общества и “белые пятна” истории Сибири»* раскрыто содержание деятельности отделов старейшей культурно-просветительной организации – РГО. В результате проведённого сравнительного анализа можно утверждать, что в условиях масштабных изменений 1980–1990-х гг. РГО отвечало социальному запросу на историческое просвещение. Омский отдел РГО внёс существенный вклад в формирование новых мест памяти и воплощение в жизнь различных коммеморативных инициатив (открытие новых мемориальных досок, организация научно-практических конференций, выпуск новых краеведческих изданий, проведение публичных лекций, просветительская работа в СМИ). Результатом большинства акций Омского отдела РГО стало возвращение в коллективное сознание общества образов выдающихся деятелей сибирской науки и культуры. В Новосибирске в силу ряда обстоятельств деятельность РГО оказалась менее продуктивной. Основным направлением деятельности организации была просветительская и экспедиционная работа с учащимися.

Во втором параграфе *«Омское и Новосибирское отделения ВООПИиК: сохранение историко-культурного наследия регионов»* рассмотрены важнейшие инициативы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в изучаемый период. Было установлено, что памятничкоохранительная деятельность гуманитарной интеллигенции оказала значительное влияние не только на конструирование исторической памяти, но и повлияла на формирование локальной

идентичности, а также способствовала изменению эстетического и стилистического содержания социокультурного ландшафта крупных городов Западной Сибири, несмотря на то, что многие проекты остались нереализованными.

В третьем параграфе *«Инициативы Советского (Российского) фонда культуры в условиях актуализации политики памяти»* показана деятельность Омского и Новосибирского филиалов крупнейшей культурно-просветительной организации, возникшей непосредственно на волне политики перестройки и гласности в 1986–1987 гг. Сделан вывод о комплексности характера работы Фонда культуры по формированию пространства памяти и её плодотворности, выразившейся в реализации масштабных коммемораций (наиболее крупная – создание Мемориального комплекса воинам-сибирякам в Тверской области). При этом анализ материалов приводит к выводу о «половинчатости» и незавершённости многих проектов из-за сложностей, с которыми столкнулись сообщества интеллигенции в условиях переходного периода.

В четвёртом параграфе *«Историко-просветительское и правозащитное общество “Мемориал” в Омске и Новосибирске: новые места памяти и региональная специфика»* представлены основные формы и направления деятельности указанной институции по трансформации и трансляции исторической памяти. Отделения Общества возникли в крупных городах Западной Сибири в 1988–1989 гг., и основной их задачей на ближайшее десятилетие стало увековечение памяти жертв репрессий путём создания монументальных памятников. Эти проекты в Омске и Новосибирске были реализованы по-разному, что свидетельствует о наличии региональной коммеморативной специфики. В обоих городах значимость памятников репрессированным была тесно связана с идеологической концепцией общенародного раскаяния, примирения и «очищения скорбью».

По итогам первой главы сделаны выводы о позитивном вкладе гуманитарной интеллигенции в духовную и интеллектуальную жизнь общества, выразившемся в актуализации образов и символов прошлого. К негативным особенностям рассматриваемого периода относится неспособность интеллигенции создать независимую последовательную концепцию исторической памяти, способную конкурировать с государственной исторической политикой.

Во **второй главе «Репрезентации прошлого и историко-культурная рефлексия гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в 1985–2000 гг.»** раскрыты внеинституциональные аспекты деятельности гуманитарной интеллигенции по формированию и трансляции исторической памяти.

Основным каналом трансляции исторической памяти в рассматриваемый период оставалась периодическая печать. Более того, в 1990-е гг. значение этого актора многократно усилилось. В первом параграфе *«Актуализация дореволюционной истории в пространстве памяти и усиление научно-художественного сегмента мемориальной культуры»* исследуются рецепции и репрезентации прошлого, осуществляемые через периодику и ряд других каналов трансляции исторической информации. Анализ источников показал, что десятилетия господства советской идеологии не стёрли из коммуникативной памяти общества положительный образ дореволюционной России и придали ему

устойчивости: борьба с прошлым наделила последнее мифологическими чертами, закрепив добродетельный образ ушедшей эпохи в сознании постсоветского человека.

Во втором параграфе «Гуманитарная интеллигенция крупных городов Западной Сибири и осмысление исторического опыта XX в.» реконструирована атмосфера общественных дискуссий 1980–1990-х гг. на тему трагических событий XX столетия (революции и гражданской войны, коллективизации, репрессий, Великой Отечественной войны, локальных конфликтов и катастроф второй половины века). По нашему мнению, память сибиряков об этих событиях обладает своими уникальными чертами и характеристиками, самобытна и разнообразна в проявлении реакций на различные коммеморативные акции и варианты исторической политики. Одним из главных «травматических» сюжетов является биография Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и инициативы, связанные с увековечением его образа в пространстве Сибири.

В третьем параграфе «Память, персоналии и “персональная” память: материалы личных фондов видных представителей интеллигенции Сибири как источник изучения трансформации коллективных представлений о прошлом» предпринята попытка охарактеризовать динамику исторических репрезентаций через отражение трансформации представлений о прошлом у отдельных учёных и просветителей. Нами были рассмотрены как опубликованные, так и неопубликованные материалы личных архивов. Анализ этих материалов позволяет утверждать, что изменения, происходившие в жизни страны в 1985–2000 гг., сгенерировали новые вызовы образованной и социально активной прослойке общества. Обоснованная временем необходимость изменения методик исторического просвещения требовала от гуманитариев революции сознания, модификации профессиональной деятельности и пересмотра взглядов на многие события отечественной истории. Зафиксировано, что далеко не всегда такая ломка осуществлялась легко.

Четвёртый параграф «Феномен “обратной связи”: реакция общества на изменение политики памяти (на примере изучения эпистолярного наследия читателей региональных изданий)» посвящён ответу общества на новые формы исторической памяти и её новое содержание. На основании эпистолярных источников выявлены основные сюжеты коллективной памяти жителей крупных городов Западной Сибири в 1985–2000 гг. Факт существования бурного потока «живой» коммуникативной памяти (и, соответственно, высокой степени включённости граждан в общественные процессы) отражает формирование в изучаемый период «постмононаучного» исторического знания и отказа от практики насаждения единомыслия.

По итогам второй главы сделаны выводы о влиянии на формирование исторической памяти сибиряков в 1985–2000 гг. двух важнейших феноменов постмодернистского сознания – травмы и ностальгии, а также о происходившей в эти годы деконструкции большого исторического нарратива и создании множества малых. К позитивным результатам деятельности гуманитарной интеллигенции, в первую очередь, следует отнести: запуск механизма проработки исторических травм

через создание новых коммуникативных площадок для обсуждения вопросов отечественной истории, деятельность по гуманизации и гуманитаризации социокультурных ландшафтов путём создания новых мест и точек памяти, посвящённых деятелям науки и культуры, развития краеведческой периодики, способствующей расширению практик исторического просвещения. К негативным результатам следует отнести имевшие место факты мифологизации истории, способствовавшие формированию искажённого коллективного сознания.

В **заключении** подведены итоги и сформулированы основные выводы диссертации. Рассматривая деятельность гуманитарной интеллигенции Западной Сибири в качестве субъекта исторической памяти как в социальном, так и в функциональном аспекте, можно констатировать, что в динамике она делится на пять этапов, имеющих выраженную специфику. Основной характеристикой *первого этапа* (1985–1986) является инерционность. Направления, формы, методы и – главное – смысловые и ценностные акценты работы по конструированию социальной памяти ещё были теми же, что и во времена «застоя», а значит, и сами представления о прошлом оставались неизменными. *Второй этап* (1987–1989) примечателен формированием новых и актуализацией существующих площадок коммуникации интеллигенции, что оказало значительное влияние на изменение формата деятельности. Для этого этапа характерен крупный коммеморативный всплеск, связанный с событиями революции и гражданской войны, в общенациональном и региональном срезе (празднование 70-летних юбилеев Октябрьской революции и освобождения Сибири от колчаковцев). Этот короткий этап оказался крайне насыщенным, процессы трансформации коллективного сознания шли ускоренными темпами. Если в 1987 г. воспоминание о «героических» событиях 1917–1920 гг. воспринималось властью и интеллигенцией в качестве триггера, пробуждающего созидательную энергию общества, то концу 1989 г. наблюдалось стремление к существенному переосмыслению памяти о революции и гражданской войне, что нашло отражение в общем изменении нарратива. Для *третьего этапа* (1990–1991) характерны процессы обесценивания устоявшихся образов и символов памяти, а также десакрализация советского героического пантеона. В это время усиливается стремление интеллигенции осмыслить трагический опыт истории XX в., извлечь уроки и воздать честь жертвам жестокого столетия (становление и деятельность региональных отделений общества «Мемориал», дискуссии о коллективизации и «большом терроре», увековечение памяти участников Афганской войны, Чернобыльской катастрофы и т. д.). *Четвёртый этап* (1992–1997) примечателен постепенным затуханием дискуссии на тему истории XX в., стремительной моральной реабилитацией недавних врагов (чиновников царской администрации, белогвардейцев, капиталистов) и всплеском интереса к дореволюционной истории. В качестве яркого примера отметим, что именно в этот период возник принципиально иной взгляд на личности основателей Омска (И.Д. Бухгольца, М.П. Гагарина и И.И. Шпрингера) и Новосибирска (Г.М. Будагова, Н.М. Тихомирова, Н.А. Белелюбского), из исторического небытия было извлечено множество фигур российской и сибирской истории. *Пятый этап* (1998–2000) отмечен снижением уровня накала дискуссий на исторические темы, а также

общим ослаблением активности сообществ гуманитарной интеллигенции по причине как социально-экономического, так и культурно-идеологического характера.

В **приложении № 1** к диссертации приводится текст ранее опубликованной автором статьи, посвящённой истории создания памятника воинам-сибирякам в г. Белый Тверской области и участию в этой коммеморативной акции Омского и Новосибирского отделений Российского фонда культуры. В **приложении № 2** к диссертации приводятся фотоматериалы разных лет.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Наумов С.С. Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985–1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 2. – С. 109–122. – 0,7 п. л.

2. Наумов С.С. Местные сообщества интеллигенции и проблема трансляции исторической памяти (на примере деятельности Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1985–1991 гг.) // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 8. – Вып. 4. – С. 272–277. – 0,7 п. л.

3. Наумов С.С. Материалы личных фондов представителей интеллигенции Омска и Новосибирска как источник по изучению памяти о прошлом // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 1. – Ч. 2. – С. 260–274. – 1,1 п. л.

4. Наумов С.С. «Надо, чтобы о нашей работе знало как можно больше людей»: деятельность Омского отделения Географического общества по сохранению культурного наследия (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 2. – С. 112–120. – 0,8 п. л.

5. Наумов С.С. Эпистолярное наследие как источник по изучению проблем трансформации коллективной памяти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 55–64. – DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>. – 1,3 п. л.

Публикации в других изданиях

6. Наумов С.С. Трансформация восприятия личности А.В. Колчака в работах западносибирских историков и публицистов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Четвёртые Ядринцевские чтения: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30–31 октября 2017 г.) / Отв. ред. П.П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2017. – С. 177–180. – 0,2 п. л.

7. Наумов С.С. Городской миф как способ трансляции исторических знаний // Молодёжь третьего тысячелетия [Электронный ресурс]: сборник научных статей / [отв. ред. С.В. Белим]. – Электрон. текст. дан. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. – 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM); 12 см. – С. 70–74. – 0,2 п. л.

8. Наумов С.С. Новые символы в мемориальном пространстве городов Западной Сибири в 1990-е – 2000-е гг.: сооружение памятников жертвам

политических репрессий // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе. Сборник научных статей / Ред. И.Р. Атнагулов, С.С. Загребин, А.А. Рыбалко, Г.Х. Самигулов. – Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2018. – С. 122–129. – 0,7 п. л.

9. Наумов С.С., Рыженко В.Г. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. – Брянск: БГИТУ, 2019. – С. 430–438. – 0,5 п. л.

10. Наумов С.С. Празднования юбилеев сибирских городов в переломную эпоху: историческая политика и память (1985–1993 гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (8–9 октября 2019 г.) / [отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов]; Министерство науки и высшего образования РФ; Институт российской истории РАН; Совет молодых учёных ИРИ РАН. – Москва: Институт российской истории РАН, 2019. – С. 389–397. – 0,6 п. л.

11. Наумов С.С. Материалы личного архивного фонда историка и педагога А.Д. Рябышева как источник по изучению локального пространства // Вторые Дравертские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 140-летию со дня рождения П.Л. Драверта (г. Омск, 19–20 ноября 2019 г.) / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А.С. Пушкина. – Омск, 2020. – С. 110–120. – 0,4 п. л.

12. Наумов С.С. «Научно-художественный» сегмент мемориального пространства городов в годы перестройки и постперестроечный период: увековечение деятелей науки и культуры в Омске и Новосибирске // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1 октября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред. Ю.Р. Горелова, О.В. Петренко. – Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. – С. 141–149. – DOI 10.34685/НИ.2020.11.72.010. – 0,3 п. л.